

ПРИ СВЕТЕ
ПУШКИНСКОГО СЛОВА

Бюст А.С. Пушкина у «Дома Языковых»
в Ульяновске.
(Скульптор З.К. Церетели, 2005).

Николай МАРЯНИН, поэт и краевед.

СИМБИРСКИЕ ТАЙНЫ ПУШКИНА

6 июня исполнилось 225 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Но среди краеведов до сих пор ведутся споры об очевидных, казалось бы, фактах его биографии. К примеру, о том, какой маршрут выбрал поэт ранним утром 8 сентября 1833 года, выезжая из Казани в Оренбург, и какого числа он прибыл в Симбирск. Александр Сергеевич в тот год решил совершить путешествие по местам сражений мятежных войск Емельяна Пугачёва, задавшись целью написать историю этого бунта. В дорожной записной книжке и письмах поэта есть явные указания на то, что из Казани он поехал через городок Лаишев по левому берегу Волги, а в Симбирск прибыл через Тетюши и Ундоры 10 сентября. Но некоторые пушкиноведы и краеведы не поверили Александру Сергеевичу и выдвинули свои версии, не принимая во внимание свидетельства самого поэта. А надо бы доверять прежде всего самому Пушкину! И для начала внимательно изучить записи в его дорожной книжке. Поэт в той поездке провёл на территории Симбирской губернии около 8 суток, в том числе более 70 часов в коляске, одолев по грунтовым дорогам 650 вёрст...

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОЛГУ

Два года Александр Сергеевич увлечённо работал в архивах и библиотеках Санкт-Петербурга, жертвуя даже поэтическим творчеством. По собственному признанию, он не написал за это время ни одной строчки чисто литературной. Задумал Пушкин создать историческое повествование о Петре Великом и его наследниках, а потом вдруг загорелся и ещё одной идеей – написать историю

А.С. Пушкин.
Автопортрет.
(Из альбома
Ел. Н. Ушаковой, 1829)

Пугачёвского бунта и повесть на эту тему. К лету 1833 года архивные материалы о Пугачёве были собраны и систематизированы, но Александру Сергеевичу страсть как хотелось самому проехать по местам бывших сражений, встретиться с очевидцами, проникнуться личными впечатлениями, а потом уж уединиться в Болдине и завершить исторический труд.

Так как поэт состоял на государственной службе, да к тому же был на особом счету у императора, для такой поездки требовалось разрешение самого Николая I. И Пушкин в конце июля сообщил сначала шефу корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфу, а затем управляющему Третьим отделением А.Н. Мордвинову о своей просьбе дозволить выехать на 2–3 месяца в нижегородское имение Болдино и посетить Казань и Оренбург. Николай I был на этот раз благосклонен к поэту, и уже 12 августа Александру Сергеевичу вручили свидетельство, в котором удостоверялось, что «состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел титулярный советник Александр Пушкин уволен в отпуск на четыре месяца в Казанскую и Оренбургскую губернии».

Утром 17 августа от пушкинской дачи на Чёрной реке в сторону Москвы выехала коляска, запряжённая лошадьми. Поэт отправился в самое долгое в своей жизни путешествие.

КАЗАНСКОЕ ПЕРЕПУТЬЕ

До Москвы Пушкин ехал целую неделю. «Дороги просёлочные были скверные; меня насилу тащили шестёрней», – писал он жене Наталье Николаевне. Шестерня – это шесть лошадей в одной упряжке. А получить их на почтовых станциях было делом непростым. «Под Москвой нет лошадей, я повсюду ждал несколько часов», – писал Александр Сергеевич в другом письме из Нижнего Новгорода, куда он «насилу дотащился» 2 сентября. И это несмотря на то, что Пушкин на каждой станции предъявлял свидетельство с печатью Министерства иностранных дел, а также специальный «лист для смотрителей», выпрошенный им у московского почт-директора А.Я. Булгакова.

В Казань Александр Сергеевич приехал поздно вечером 5 сентября. Переночевал в гостинице, а утром перебрался в дом Л.Н. Энгельгардта – тестя

поэта Е.А. Баратынского, тоже как раз приехавшего в город на несколько дней. Затем Пушкин съездил в Суконную слободу, где некогда при взятии Пугачёвым Казани дрались с мятежниками местные кулачные бойцы. Встретился также и записал воспоминания очевидца тех событий, суконщика В.П. Бабина.

С утра 7 сентября поэт отправился к Троицкой мельнице в 10 верстах от Казани, где когда-то стоял лагерь Емельяна Пугачёва. объехал Арское поле, через которое бунтовщики наступали на город, обошёл пешком и тщательно осмотрел Казанский кремль. Профессор Казанского университета К.Ф. Фукс сопровождал Александра Сергеевича к купцу Л.Ф. Крупенникову, в молодости побывавшему у Пугачёва в плену, а к вечеру привёз поэта к себе домой, куда позже пришёл и местный литератор Э.П. Перцов. Пушкин с интересом просмотрел богатую библиотеку, в которой была и собственная книга профессора «Краткая история города Казани», а также коллекции болгарских древностей – оружие, посуду, украшения, монеты, собранные на развалинах столицы Волжской Булгарии.

Потом пили вино и говорили о поэзии. Пушкин хвалил стихи хозяйки дома А.А. Фукс, говорил с ней о значении магнетизма (так называли тогда гипнотическое внушение и ясновидение, чему поэт вполне верил), рассказал анекдот о предсказании, сделанном ему одной гадалщицей в Петербурге, дал оценку современным литераторам, завершив свои откровения фразой: «Смотрите, чтоб всё осталось между нами, – сегодня была моя исповедь».

Ранним утром следующего дня Пушкин написал письмо жене, собрал вещи, простился с Баратынским и отправился в Симбирск.

ВЫБОР ДОРОГИ

Александр Сергеевич желал как можно скорее прибыть в Симбирск и почти в каждом письме Наталье Николаевне вспоминал о нём, хоть этот город и не значился в отпускном свидетельстве поэта. Просто он знал, что там найдёт письмо от жены, посланное на имя губернатора А.М. Загряжского, её дальнего родственника по линии матери (мне пришлось расписать родословную Загряжских, чтобы выяснить, что родственник он действительно дальний – аж шестипородный дядя, а не двоюродный, как сообщается в публикациях некоторых краеведов). Было бы логичным поехать Пушкину из Казани самой короткой почтовой дорогой – по правому берегу Волги через Буинск. Этот путь составлял около 205 вёрст, да к тому же с одной лишь переправой через Волгу на Васильевском перевозе. Однако Александр Сергеевич избрал другую почтовую дорогу – через Лаишев, Спасск и Тетюши, протяжённостью 239 вёрст, с двумя переправами – через Каму и Волгу, прекрасно понимая, что в этом случае прибудет в Симбирск значительно позже.

Какие же обстоятельства могли вынудить поэта решиться на более долгий путь? Одним из них могло быть то, что во времена Пугачёвского бунта в этих местах рыскали отряды полковника Бахтияра Канкаева – они вербовали местное население в мятежное войско, обеспечивали безопасность переправ через Каму, контролировали дороги, прикры-

вая тылы армии Пугачёва. Возможно, поэт решил посмотреть на одну из таких переправ, найти кого-то из очевидцев тех событий. В архивных заготовках Пушкина к «Истории Пугачёва» были два подлинных документа из ставки главаря бунтовщиков, в которых речь идёт о Бахтияре Канкаеве. Первый – указ Пугачёва, направленный Канкаеву и походному старшине Ермухаммету, с предписанием набирать людей, русских и башкир, для пополнения «Большой армии», а самим крепко «стоять против злодеев и искоренять противящихся». И второй документ – подорожная грамота, выданная повстанческой военной коллегией есаулу Салиху Наврузову, посланному с тремя казаками к Канкаеву с упомянутым выше указом.

Ещё одной причиной поездки в Симбирск по левому берегу Волги могло стать намерение поэта своими глазами взглянуть на сохранившиеся строения и руины древней столицы Волжской Булгарии в Спасском уезде. Возможно, такое решение возникло у него в Казани после знакомства с одной из самых известных в то время коллекций болгарских древностей, собранной профессором Фуксом.

Кроме того, Пушкин, последние два года занимавшийся изучением биографии Петра Великого, наверняка знал, что царь посещал древний город Болгар на Волге во время Персидского похода. Возможно, поэтому Александру Сергеевичу захотелось своими глазами увидеть развалины, чтобы эти впечатления отобразить позже в «Истории Петра». Однако труд этот остался незаконченным, и лишь две сухие строчки, написанные рукой Пушкина, остались в подтверждение того, что он намеревался подробнее раскрыть этот факт из жизни русского императора: «8 июня 1722 года Пётр отправился в путь. Осмотрел развалины болгарские... 15 июня прибыл в Астрахань... и повелел поправить болгарские развалины».

В дорожной записной книжке карманного формата, состоящей из 8 листов, Александр Сергеевич не написал ни слова ни о столице Волжской Булгарии, ни о Спасске. Зато о городке Лаишеве в ней упоминание есть, из чего исследователи и сделали вывод, что Пушкин поехал в Симбирск именно по этой дороге. Всего три слова, размашисто написанные карандашом рукой поэта: «Лаишев – город в шлафорке».

ДАТА ПРИЕЗДА В СИМБИРСК

Исследователи творчества и биографии поэта до сих пор спорят, сколько времени он провёл в пути из Казани в Симбирск. Поэтесса А.А. Фукс, «сорокалетняя несносная баба с вощёнными зубами и с ногтями в грязи» (так описал её Александр Сергеевич в письме жене), в своих воспоминаниях отмечала, что в 8 часов утра в день отъезда она отправила Пушкину только что написанное своё стихотворение, но поэт уже не было в Казани, он уехал на рассвете. То есть 8 сентября примерно в половине седьмого утра коляска с Александром Сергеевичем покатилась по Лаишевскому тракту в сторону Камы. О дате приезда в Симбирск в очередном послании жене написал сам Пушкин: «Третьего дня прибыл я в Симбирск». Письмо датировано 12 сен-

тября, а «третьего дня» означает позавчера, поэтому, казалось бы, без всякого сомнения поэт прибыл в Симбирск 10 сентября. Так и считает большинство исследователей.

Но есть, однако, и сомневающиеся, которые утверждают, что Пушкин приехал в Симбирск 9 сентября. В качестве аргумента приводится почему-то поездка будущего императора Александра II и поэта В.А. Жуковского из Казани в Симбирск в 1837 году во время путешествия по России. Дорога заняла всего 16 часов: выехали поутру, обедали в Буинске и приехали поздно вечером. Так ехали-то они короткой дорогой через Буинск! К тому же, с лошадьми на станциях у наследника престола проблем не было. Тот же самый путь писатель И.А. Гончаров преодолел летом 1834 года ровно за сутки. Для него станционные смотрители поблажек не делали, поэтому 24 часа – это обычное время в пути из Казани в Симбирск, но только по правому берегу Волги. Отправься Пушкин этой дорогой, он действительно мог бы быть в Симбирске уже утром 9 сентября.

Ещё один аргумент в подтверждение этой версии, ссылаясь на известного пушкиноведа Л.Б. Модзалевского, изложил ульяновский краевед Ж.А. Трофимов в своей книге «Симбирские дни Пушкина», где он сообщает про «письмо литератора И.А. Второва к своему сыну Николаю о том, что 9 сентября видел у симбирского губернатора А.С. Пушкина, приехавшего из Казани». Из этого был сделан вывод, что при датировке письма от 12 сентября, написанного в усадьбе Языковых в Карсунском уезде, «поэт был, очевидно, не совсем точен». Будто бы Александр Сергеевич «набросал своё послание 11-го в Языкове, а число проставил на следующий день уже в Симбирске, при его отправке; или – сделал обычную описку». То есть указание «третьего дня прибыл я в Симбирск», по мнению Ж.А. Трофимова, относится к 9, а не к 10 сентября. И складывается впечатление, что ульяновские историки и краеведы смирились и приняли эти аргументы...

Но если внимательно полистать томик с письмами Пушкина за 1833 год, сразу бросается в глаза тот факт, что в подавляющем большинстве поэт ставил дату написания в конце своих писем, а вот во время поездки в Оренбург вдруг перешёл на датировку в самом начале. Видимо, для него было важно, чтобы Наталья Николаевна при получении письма сразу же видела, откуда и когда оно отправлено. А в процитированном письме Пушкин в первой же строке написал: «Село Языково. 65 вёрст от Симбирска. 12 сентября». И потом уже – всё остальное. Если бы поэт сел писать письмо 11-го вечером, как он мог в первой же строке написать завтрашнюю дату – 12-е? То есть «третьего дня» – это всё-таки 10 сентября! Так что давайте доверять самому Пушкину...

Что же касается письма самарского литератора И.А. Второва, оно было впервые опубликовано лишь в 1875 году, через сорок с лишним лет после происшедших событий. А написал он его 15 сентября 1833 года из Самары своему сыну Николаю, цитирую:

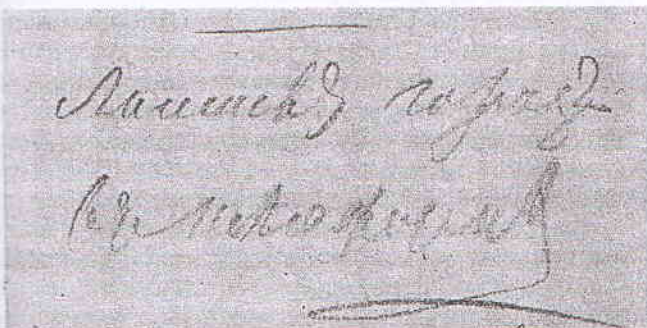
«В Симбирске у губернатора видел Пушкина Александра Сергеевича. Он сказал мне, что был в Казани у г. Фукса и вместе стоял с г. Баратынским».

Но дату встречи с Пушкиным Второв в письме вообще не указывал! Её Модзалевский домыслил сам, когда познакомился ещё и с дневником Второва, в котором тот 20 сентября, находясь уже в Самаре, сделал о себе такую запись: «8 числа, в пятницу, приехал в Симбирск. 9-го был у губернатора, просил его о своём деле и удивлялся его суждениям о своей должности. В тот же день обедал у Ф. Сем. Дмитриева». И заметьте, о встрече с Пушкиным в дневнике не говорится ни слова! Но Модзалевский свёл две этих цитаты вместе и почему-то сделал вывод, что Александр Сергеевич прибыл в Симбирск утром 9 сентября. Потрясающая логика!

Второв вернулся из Симбирска в Самару 14 сентября, так что он вполне мог побывать у Загряжского ещё раз в любой день вплоть до 13-го; вполне вероятно, что во время первого визита к губернатору не все его вопросы были решены, и литератор пришёл на приём повторно. Конечно же, Второв встречался с поэтом у губернатора Загряжского, но, по всей видимости, это было не 9 сентября, а с 10-го по 13-е, так что обвинять Александра Сергеевича в неточности в письме оснований никаких нет. А главное, почему Второву, сделавшему запись в дневнике спустя 10 дней после этого события, мы должны доверять больше, чем самому Пушкину, указавшему точную дату в день написания письма?

Остаётся только выяснить, что же могло задерживать Пушкина на двое суток в пути из Казани в Симбирск через городок Лаишев...

ЛАИШЕВСКИЙ СМОТРИТЕЛЬ

Лаишев – город в шлафорке.
(Из записной книжки А.С. Пушкина).

От Казани до Лаишева у Александра Сергеевича была возможность остановиться для смены лошадей лишь однажды – на почтовой станции в деревне Сапуголи, а в город на Каме он прибыл сразу после полудня. Лаишев, видимо, показался поэту унылым и сонным, похожим на заспанного человека в домашнем халате (название такого халата пришло в Россию из французского языка – шлафорк, шлафор, а на русский манер – шлафорка). Возможно, этим и объясняется появившаяся в дорожной записной книжке поэта короткая запись «Лаишев – город в шлафорке». Ассоциация вполне объяснимая: погода стояла прекрасная, это был один из дней наступившего бабьего лета, и провинциальный неблагоустроенный городишко в полуденном мареве мог вызвать в творческой душе подобный образ.

А среди жителей ещё дореволюционного Лаишева долгие годы существовало предание о пребывании великого поэта в их городе. В газете «Московские ведомости» (№323 за 1901 год) была опубликована статья О.П. Суворова «Пушкин в Лаишеве», как раз основанная на этих преданиях. Описанный в газете случай вошёл в сборник русских исторических анекдотов об Александре Сергеевиче. Речь идёт о тех минутах, когда Пушкин 8 сентября 1833 года после полудня приехал в Лаишев и остановился у почтовой станции, чтобы получить свежих лошадей. Поэт торопливо выпрыгнул из тарантаса, вбежал на небольшое крыльцо и закричал: «Лошадей!». Но никто не отозвался. Пушкин заглянул в три комнатки и, не найдя в них никого, нетерпеливо воскликнул: «Где же смотритель? Господин смотритель!..»

Появился заспанный лысый старичок в ситцевой рубашке и с пёстрыми подтяжками на брюках: «Чего изволите беспокоиться? Лошадей нет, и вам придётся обождать часов пять...». Пушкин за долгую дорогу не раз уже слышал такое, и это привело его в ярость: «Как нет лошадей? Давайте лошадей! Я не могу ждать. Мне время дорого!». Старичок хладнокровно прошамкал: «Я вам доложил, что лошадей нет! Ну и нет. Пожалуйста вашу подорожную...».

Поэт серьёзно рассердился. Он нервно шарил в своих карманах, вынимая из них бумаги и засовывая их на место. Наконец, Александр Сергеевич подал что-то старичку и спросил: «Вы же кто будете? Где смотритель?». Старичок медленно развернул бумагу: «Я сам и есть смотритель... По казённой на-доб-нос-ти, – прочитал он затем протяжно и вдруг обратил внимание на фамилию проезжавшего. – Гм... Господин Пушкин!.. А позвольте вас спросить, вам не родственник будет именитый наш помещик, живущий за Камой, в Спасском уезде, его превосходительство господин Мусин-Пушкин?».

Поэт, рассеянно рассматривая висевшие на стене почтовые правила, быстро повернулся на каблучке к станционному смотрителю и внушительно продекламировал:

*Я Пушкин, но не Мусин!
В стихах весьма искусен,
И крайне невосдержан,
Когда в пути задержан!..
Давайте лошадей!*

Возможно, этот заспанный старичок на почтовой станции тоже дал повод Александру Сергеевичу сделать запись в своей дорожной книжке, позволяющую утверждать, что поэт был здесь: «Лаишев – город в шлафорке». Пушкиноведы посчитали также, что эта фраза говорит ещё и о впечатлении сугубой провинциальности и неблагоустроенности, которое произвёл на поэта Лаишев.

А писатель Айдар Сахибадинов в записках «Моя улица» домыслил ещё одну версию неожиданного появления здесь Пушкина: «Ехал через «сонный» городок Лаишев. Перепугал начальство. Прилетел слух, что едет чиновник из Петербурга с высочайшим документом (онный в самом деле имелся: предписание императора о вспомоществовании местных властей сочинителю А. Пушкину в поисках свидетельств о бунте Е. Пугачева). Возможно, там,

в Лаишеве, и родилась идея «Ревизора», которую Пушкин подарил впоследствии Гоголю».

ПЕРЕВОЗ ЧЕРЕЗ КАМУ

Как бы то ни было, свежих лошадей Пушкин всё-таки получил и отправился по дороге на Епанчино, где тоже была почтовая станция, а затем – к деревне Табаево на берегу Камы в десяти верстах от места впадения её в Волгу. Здесь через Каму действовал перевоз, и неизвестно, сколько Пушкин провёл здесь времени в ожидании переправы. В лучшем случае коляска столичного путешественника могла съехать с парома на землю Спасского уезда после трёх часов пополудни, а реально – уже ближе к вечеру.

Дорога на Спасск сначала несколько вёрст шла по берегу Камы против её течения, затем поворачивала на запад и вдоль извилистой речки Ахтай вела к селу Измери. Здесь на почтовой станции Александру Сергеевичу в очередной раз сменили лошадей. А следует сказать, что ехал он в собственной коляске, которую для дальней дороги подготовили ещё в Москве, и пока перезапрягали на станциях лошадей, Пушкин мог даже не выходить наружу. Поэт даже спал в ней, когда его укачивало в дороге.

Вёз он с собой сундук, доверху набитый всякими вещами – книгами, рукописями, картами и, конечно, провизией на случай, если проголодается в дороге. Сопровождал Александра Сергеевича 19-летний камердинер Гаврила Калашников (в книге «Симбирские дни Пушкина» он почему-то назван Шапошниковым). «Вообрази себе тон московского канцеляриста, – писал Пушкин о своём камердинере Наталье Николаевне, – глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьёт мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня, да и только».

Остаётся ещё обрисовать самого 34-летнего поэта. Перед служителями на почтовых станциях он предстал господином небольшого роста (сам Пушкин указывал, что в нём 2 аршина 4 вершка, то есть 160 сантиметров – и впрямь не гигант), в чёрном сюртуке и цилиндре, с пистолетом в боковом кармане, с курчавыми волосами и бледным мулатским лицом. К тому же в дороге Александр Сергеевич отрастил несвойственные для него усы.

СПАССКИЕ ПОМЕЩИКИ

Писатель И.Ф. Смольников в книге «Путешествие Пушкина в Оренбургский край», изданной в Москве в 1991 году, представил, каким могло бы быть путешествие Александра Сергеевича к развалинам древней столицы Волжской Булгарии в сентябре 1833 года. Он пишет, что лаишевские впечатления поэта рассеялись уже во время переправы на левый берег Камы. Далее Пушкин ехал по широкому простору Спасского уезда. В одной из деревень, сообщает Смольников, поэт развеселила надпись на заборе: «Милости просим, добрые люди. Здесь есть овёс и сено». А рядом – на дощечке – намалёваны два мужика, взвешивающие на весах эти самые сено и овёс. Так тогда рекламировалась гостиница

для проезжающих. Это могло быть в Измерях, где тоже находилась почтовая станция.

Затем коляска проехала Куралово. Влево от тракта, идущего на Спасск, дорога шла в село Бездна, в котором как раз и находилось имение М.Н. Мусина-Пушкина – того самого «именитого помещика, живущего за Камой». Человек он был известный в нескольких поволжских губерниях, потому как с 1827 года являлся попечителем Казанского учебного округа, в который входила и Симбирская губерния. На эту высокую должность в ранге заместителя министра просвещения России он был назначен указом императора Николая I.

У Александра Сергеевича и Михаила Николаевича был общий далёкий предок – Григорий Иванович Пушка. Но поэт почему-то с иронией относился всегда к этому родству. Ещё в стихотворении «Моя родословная», написанном в 1830 году, он как бы открестился от Мусиных-Пушкиных, сместив ударение в фамилии на второй слог и высказавшись вполне определённо:

*Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин...*

Поэт противопоставил здесь две ветви одного и того же рода, одна из которых захирела, а другая, Мусины-Пушкины, получив графство, вошла в придворную аристократию. Неудивительно поэтому, что Александр Сергеевич, услышав от смотрителя в Лаишеве фамилию Мусина-Пушкина, отреагировал такой едкой эпиграммой.

Завернуть в Бездну и встретиться с помещиком Мусиным-Пушкиным у Александра Сергеевича желания, естественно, не возникло. А вот фамилия Молоствовых, которые владели многими поместьями в Спасском уезде, Пушкину была более по нраву. В лицейские годы в Царском Селе среди его близких друзей находился офицер гусарского полка Памфамир Христофорович Молостров, о котором поэт написал в нескольких своих стихотворениях. Юный поэт любил общество отчаянных гусар, которые проводили свободное время в застольях и картежных баталиях. Сохранилось предание, будто на одном таком кутеже Пушкин поспорил, что выпьет бутылку рома и не потеряет сознание. Пари он выиграл, потому что, выпив бутылку, хоть и не сознавал ничего, но сгибал и разгибал мизинец...

Памфамир Христофорович умер в Санкт-Петербурге в 1828 году, но во время поездки Пушкина в Поволжье имением Никольское на реке Бездне управлял его отец Христофор Львович Молостров. А в тех же Измерях и Куралове, расположенных на почтовом тракте, поместьями владели Таврион Христофорович – родной брат Памфамира. Не исключено, что Пушкин мог навестить его и даже переночевать в молодостровском имении, откликнувшись на гостеприимство хозяев.

Мог поэт провести ночь с 8 на 9 сентября и в Спасске, куда он, учитывая проблемы с лошадьми и переправой, добрался бы только поздним вечером. Что тогда представлял собой уездный городок? Об этом можно прочитать в казанском журнале «Заволжский муравей» за тот же 1833 год, в очерке

«Поездка в Болгары и Билярск», под которым стоит подпись Р-нъ (так подписывался издатель журнала, казанский историк М.С. Рыбушкин, уроженец Симбирска, который тоже встречался с Пушкиным в Казани, а ещё в юности поэт написал на него эпиграмму). В журнале сообщалось, что Спасск является городком небольшим, домов примерно на двести. Из них не больше десятка можно было назвать порядочными, прочие представляли собой крестьянские избы. В городе существовала не бог весть какая больница, училище и при нём, как свидетельствовал Р-нъ, «достаточная библиотека, физический и минеральный кабинеты».

ЭКСКУРСИЯ ПО РУИНАМ

И всё же главной причиной, которая побудила бы Пушкина ехать в Симбирск через Спасский уезд, могло стать желание поэта посетить руины древней столицы Волжской Булгарии. Писатель И.Ф. Смольников в своей книге попытался представить, как утром 9 сентября поэт прибыл в Болгары... Сначала коляска въехала в широкий проход в земляном валу, — сообщает Смольников. За валом открывалось поле, а в нём то там, то сям виднелись каменные полуразрушенные постройки. Ещё издали, только подъезжая к городищу, Пушкин мог увидеть высокий столп — это был Большой минарет, который вверху, под шатровым навершием, окантовывали железные обручи. Ими стянули верх минарета ещё по распоряжению Петра I. Мавзолей напротив восточного фасада Соборной мечети был превращён в церковь Святого Николая. А в другом мавзолее устроили монастырский погреб.

Местный житель, водивший Пушкина по территории древнего города, мог рассказать о том, как при постройке на руинах древнего города Успенской церкви собирали по всей округе древние надмогильные плиты и замуровывали их в кирпичную кладку фундамента. Мог спускаться поэт и вниз, к речке Меленке, где на берегу сохранились остатки древней бани, сложенной из красного кирпича. Другая баня, в восточной части города, где проживала болгарская знать, неплохо сохранилась. Высота её центрального зала достигала трёх саженей. Но и здесь всё находилось в запустении — потолок и штукатурка стен обвалились, внутри сплошь рос чертополох.

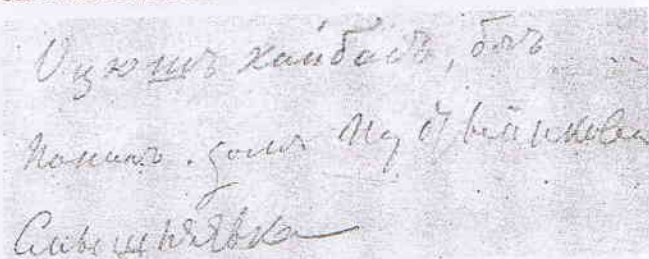
Хорошо выглядел тогда лишь Малый минарет, расположенный на отшибе, на кладбище. Вслед за провожатым Пушкин мог подняться по винтовой каменной лестнице на верхний ярус, с галереи которого открывался великолепный вид на руины древнего города, православную церковь, село Болгары и заволжские дали. Внизу, — пишет Смольников, — паслись лошади, пощипывая травку среди развалин ханских усыпальниц.

ВЕЛИКИЙ БОГ «ШКАЙ ПАС»

После посещения болгарских развалин Пушкин ничто уже не держало в Спасском уезде, и он поспешил дальше, к волжской переправе под Тетюшами. На тракте ему попался лишь один населённый пункт — деревня Комаровка в лугах на левобережье

Волги. Переправы через Волгу поэту, видимо, тоже пришлось ожидать несколько часов, и в Тетюши он попал лишь вечером. Сменив лошадей, Александр Сергеевич устремился в Симбирск, куда и прибыл утром 10 сентября. Ямщики в те времена отправлялись с пассажирами в путь и ночью, если была хорошая погода и ярко светила луна.

Понимая теперь, какой путь мог проделать поэт, отправившись из Казани по левому берегу Волги, становится ясным, почему же ему пришлось добираться до Симбирска так долго — около двух суток. А в дорожной записной книжке Пушкина есть и ещё одно подтверждение, что он ехал именно по этой дороге через Лаишев и Тетюши. Как раз перед приездом в Симбирск в этой книжке поэт торопливо сделал запись карандашом: «Оцюш кайбас, бог». Долгое время исследователи не могли понять, что это означает. Но сто лет назад филологи всё-таки расшифровали, что эта фраза на самом деле звучит как «оцюш кай пас» и относится к смешанному диалекту эрзя и мокши — двух мордовских языков. Пушкин записал эту фразу на слух, поэтому неточно объединил звуки в словах. А переводится «оцюш кай пас» с эрзянско-мокшанского говора буквально как «великий бог» или «великий господь бог», так они называли своё главное языческое божество.

Оцюш кайбас, бог. Панин.
Дом Пустынникова. Смышляевка.
(Из записной книжки А.С. Пушкина).

Оказалось, что именно в этих краях хранится разгадка таинственной записи поэта, ведь вдоль дороги между Тетюшами и Симбирском до сих пор располагается более десятка мордовских сёл: Бессоново, Васильевка, Кадышево, Кильдюшево, Киртели, Красное Озеро, Красный Восток, Пищмар, Починок-Новоильяшево, Урюм, Вышки и др. Причём эрзя и мокша здесь долгое время жили как раз смешанно, постоянно общаясь между собой. В результате появились говоры, испытавшие сильное взаимное влияние эрзянского и мокшанского языков. Известный эрзянский учёный-языковед М.Е. Евсеев ещё в 1915 году, изучая говор мокши села Урюм, расположенного рядом с большой проезжей дорогой из Тетюш в Симбирск, отмечал: «Нагорная эрзя и мокша, живя в течение нескольких веков бок о бок и имея между собой постоянную связь, как экономическую, так и семейную, перемешали свои языки: мокша внесла в свой язык много эрзянских слов, эрзя — мокшанских. Так, в Урюме (мокша) ложка называется по-эрзянски пенч (а не куцю), бог — шкай пас». (Цитата из работы М.Е. Евсеева «Мордва Татарской Республики», опубликованной в 1925 году).

Видимо, Пушкина поразила чем-то фраза, с которой кто-то из жителей Урюма или везущий его

местный ямщик-мордвин обратился к своему богу, и поэт тут же записал её в свой блокнот. А тот же Евсеев в своём отчёте о мокше села Урюм привёл даже сохранившиеся здесь в то время языческие моления, обращённые к богу: «Вант, оцю шкай пас, корьмакай, сякэй вастэда (храни нас, великий бог, на всяком месте)», «Вант, оцю шкай пас, шопыда вене, валда шине (храни нас, великий бог, во время тёмной ночи, светлого дня)».

Так что обе фразы, записанные Пушкиным в дорожную книжку между Казанью и Симбирском («Лаишев – город в шлафорке» и «Оцюш кайбас, бог»), неоспоримо подтверждают, что выехал поэт именно по левому берегу Волги, переправился через Каму около Лаишева и через Волгу около Тетюш, а утром 10 сентября через Ундоры прибыл в Симбирск, потратив на дорогу с двумя переправами около двух суток.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В СИМБИРСКЕ

Спасский женский монастырь в Симбирске, который посетил А.С. Пушкин

Въехав в Симбирск, Пушкин, скорее всего, направился сразу к губернаторскому дому – не терпелось прочитать письмо от Натальи Николаевны, которое она отправила Александру Сергеевичу на имя А.М. Загряжского. 10 сентября было воскресенье, у губернатора приёма не было, и он, вероятно, пригласил Пушкина за стол, чтобы поговорить и перекусить с дороги, предложив также поэту остановиться в его доме, и не обязательно как дальнего родственника, а прежде всего как чиновника Министерства иностранных дел. А ещё Александр Сергеевич горел желанием увидеться со своим другом Николаем Языковым, но из разговора с Загряжским он мог узнать, что из братьев Языковых в городе сейчас никого нет, и тогда у поэта созрело решение отправиться в родовую усадьбу Языковых в Карсунском уезде. Или же он сам мог в тот день заглянуть в дом Языковых, который располагался в нескольких минутах ходьбы от дома губернатора, и узнать эту информацию от прислуги.

Чуть позже Александр Сергеевич, видимо, по приглашению Загряжского, неожиданно попал на проводимый в том же доме урок танцев, куда 10-летняя дочь губернатора Елизавета привела своих подружек. Одна из них, К.И. Габленц (в замуже-

стве Короткова), позже вспоминала: «Однажды осенью (1833 года, между 8–14 сентября) во время урока танцев по зале пронёсся слух, что приехал сочинитель А.С. Пушкин; мы все взволновались от ожидания увидеть его, и вдруг входит в залу господин небольшого роста, в чёрном фраке, курчавый, шатен, с бледным или скорее мулатским рябоватым лицом: мне тогда он показался очень некрасивым... Мы все уже сидели по стульям и при его общем нам поклоне сделали ему реверанс; через несколько минут мы все с ним познакомились и стали просить его потанцевать с нами; он немедленно же согласился, подошёл к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцевал с каждой из нас по несколько туров вальса под звуки двух скрипок, сидевших в углу». Станцевал поэт и с губернаторской дочкой Лизой, не предполагая, что она впоследствии станет женой его родного брата Льва Сергеевича.

В воскресный день вместе с Загряжским и его супругой Пушкин, вероятно, посетил и расположенный через дорогу от губернаторского дома Спасский женский монастырь. Дело в том, что Александр Сергеевич пообещал своему хорошему знакомому, князю В.Ф. Одоевскому, что навестит в этом монастыре послушницу Варвару Кравкову, дочь помещика, которую, по её просьбе, тайне от отца привёз сюда отчим Одоевского – саранский полицмейстер П.Д. Сеченов. Взбешённый таким поступком брат Варвары обвинил Сеченова в похищении сестры и «оскорблении чести рода». В начавшемся расследовании скандала отчим, защищаясь от нападок, стал прикрываться именем имеющего связи в Петербурге пасынка, что вызвало протест у самого В.Ф. Одоевского, когда до него дошли слухи об этом. Вот он и попросил поэта раз узнать подробности дела, документы по которому находились на рассмотрении у губернатора; сама же чета Загряжских оказывала Варваре Кравковой своё покровительство. Пушкин после разъяснения губернатора, видимо, хотел и от самой послушницы узнать, почему же она сбежала из родного дома, чтобы впоследствии обо всём рассказать князю Одоевскому.

В УСАДЬБЕ ЯЗЫКОВЫХ

В ночь с 10 на 11 сентября Александр Сергеевич отсыпался в доме губернатора после утомительной дороги. А утром 11-го засобиравшись в усадьбу к своему другу Николаю Языкову. Это был понедельник, приёмный день у Загряжского, и вот здесь-то, вероятнее всего, поэт и столкнулся утром в доме губернатора с самарским литератором И.А. Второвым, повторно пришедшим на приём. Дорога до Языково могла занять у Александра Сергеевича около 8 часов, и он был на месте уже ближе к вечеру. Но Пушкина ждало разочарование – Николая Языкова и здесь не оказалось, он уехал с братом Александром собирать фольклор в имение сестры, находящееся в Сызранском уезде. Встретил поэта третий из братьев Языковых – Пётр Михайлович, оказавшийся настолько гостеприимным, что Пушкин решил в усадьбе переночевать. А Пётр Языков подарил поэту хранившийся в усадьбе экземпляр воспоминаний академика П.И. Рычкова о крестьянской

*Усадьба Языковых в Карсунском уезде,
где дважды побывал А.С. Пушкин.*

войне, которые Пушкин позже частично использовал в «Истории Пугачёва».

Писатель Г.П. Демьянов в начале 1890-х годов при подготовке путеводителя по Волге посетил усадьбу Языковых и так описал её: «Из прихожей посетитель входит в довольно обширный зал и направо из соседней комнаты дверь ведёт в комнату, где останавливался Пушкин. «Здесь ночевал Александр Сергеевич Пушкин», – пояснил нам сопровождавший по дому, за отсутствием хозяина, молодой сын управляющего... Комната эта средней величины с большим окном в сад, обставлена мебелью из красного дерева, домашней работы, чёрною деревянною кроватью и в углу типичным для того времени украшением камина в форме усечённой колонны. Единственное изменение внесено в этот священный уголок – это обращение камина в обыкновенную печь. По сохранившемуся в доме и семье Языковых преданию известно, что Александр Сергеевич, не застав первый раз Николая Михайловича дома, на память вырезал ему на одном из стёкол окна своей комнаты алмазным перстнем своё имя. К сожалению, стекло разбилось, и этот редкий автограф навсегда потерян. Говорят также, что на камине долго сохранялось много интересных надписей и эпиграмм, которые теперь все забелены».

Комнату эту после пребывания в ней поэта долго называли «пушкинской». Утром 12 сентября, перед возвращением в Симбирск, в письме Наталье Николаевне Александр Сергеевич так описал своё пребывание в усадьбе: «Здесь я нашёл старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнёва или Нащокина». В Симбирск поэт вернулся ближе к вечеру, поужинал в доме губернатора и вновь отправился в путь, на этот раз в Оренбург.

«ЗАЯЧЬИ СТРАДАНИЯ»

В первые дни пребывания в Симбирской губернии в дорожной книжке Пушкина появилась ещё одна запись: «Смышляевка». Александр Сергеевич выбирал маршрут, по которому из Симбирска быстрее всего доехать до Оренбурга. И кто-то подсказал, что ему для этого нужно попасть на Оренбургский почтовый тракт у села Смышляевка, расположенного в 20 верстах южнее Самары. На карте,

которую Пушкин вёз с собой, это село не значилось, поэтому он и записал название в дорожную книжку. А были у него, вероятнее всего, карты губерний из атласа полковника В.П. Пядышева, составленного в 1820-х годах. На карте Симбирской губернии из этого атласа отмечены все почтовые (главные, губернские, уездные) и большие проезжие дороги региона с указанием почтовых станций. Название Смышляевка на этой карте как раз отсутствует, но зато ясно видно, что сразу несколько дорог южнее Самары сходятся в одну, выходящую на Оренбургский тракт примерно в том месте, где должна располагаться Смышляевка. Самым удобным путём поэт и отправился в путь – по губернской почтовой дороге через Сенгилей, Новодевичье, Усолье, Шелехметь и Самару.

В письме жене Пушкин написал, что выехал из Симбирска в Оренбург 12 сентября ночью, а темнота в это время года наступает в 8–9 часов вечера. Однако уже на следующий день Александр Сергеевич неожиданно вынужден был снова вернуться в Симбирск. Свои дорожные приключения он описал в письме Наталье Николаевне от 14 сентября: «Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу – заяц перебежал мне её. Чорт его поberi, дорого бы дал я, чтоб его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей – гляжу, нет ямщиков – один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по 6 лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно – я заснул – просыпаюсь утром – что же? не отъехал я и пяти вёрст. Гора – лошади не взвезут – около меня человек 20 мужиков. Чорт знает как бог помог – наконец взвезали мы, и я воротился в Симбирск. Дорого бы дал я, чтоб быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал. Теперь еду опять другим трактом. Авось без приключений».

Согласно карте Пядышева, на почтовой дороге, по которой отправился Пушкин, первая станция после Симбирска – это Кремёнки, вторая – Тушна, а третья – Сенгилей. Выходит, что заяц перебежал поэту дорогу сразу после выезда из Симбирска, не доезжая до села Кремёнки (ныне оно в черте Новоульяновска), а пьяные ямщики встретились ему в Сенгилее. Ну а гора, в которую 20 мужиков толкали коляску Пушкина, это, по всей видимости, тягун при въезде в лес по дороге из Сенгилея как раз в нескольких верстах от города, или же крутой подъём сразу за Тушной. Учитывая дорожные перипетии, в Симбирск суеверный поэт мог вернуться 13 сентября далеко после обеда, наметив для себя другой маршрут поездки в Оренбург.

В тот же день якобы произошло ещё одно связанное с Пушкиным событие – званый обед в честь поэта, устроенный в доме Языковых в Симбирске. В связи с этим на стене особняка в 1937 году была установлена мемориальная доска (надпись в 1969-м подкорректировали): «Здесь, в бывшем доме Языковых, 13 сентября 1833 г. проездом из Петербурга в Оренбург останавливался А.С. Пушкин». Однако сам факт проведения этого званого обеда, представлен-

ный как воспоминания литератора В.П. Юрлова, смахивает на историческую фальсификацию.

Во-первых, Пушкина уже проводили в Оренбург накануне, и никто не знал, что он неожиданно вернётся вечером 13-го в Симбирск, поэтому как смогли так быстро собраться на встречу представители местного дворянства? Во-вторых, информация о званом вечере впервые была опубликована в «Симбирских губернских ведомостях» лишь в 1899 году – к 100-летию Пушкина, через 66 лет после событий! И в-третьих, Александр Языков, который якобы устроил званый обед, находился в это время вместе с братом Николаем в фольклорной экспедиции в Сызранском уезде, а дом в Симбирске уже два года пустовал после смерти их матери.

Самому Юрлову во время приезда поэта в Симбирск было всего три годика, и он в публикации «К воспоминаниям об А.С. Пушкине» ссылается лишь на устные свидетельства своего давно умершего отца. Но что мешало В.П. Юрлову, работавшему редактором неофициальной части газеты «Симбирские губернские ведомости», обнародовать эти бесценные сведения раньше, когда ещё был жив отец? А дату проведения званого обеда домыслил за Юрлова в 1913 году симбирский краевед Н.А. Державин. Но ни сам Пушкин, ни братья Языковы, и никто из нескольких других мнимых участников этой встречи нигде и никогда об этом событии не сообщали. Так что не исключено, что мемориальную доску на доме Языковых придётся когда-нибудь переписывать в третий раз (хотя в особняк-то Пушкин всё-таки наверняка заходил в день приезда в Симбирск – 10 сентября, чтобы убедиться, что его друга Н.М. Языкова действительно нет дома).

ПУГАЧЁВ В СИМБИРСКЕ

Переночевав, видимо, второй раз в доме губернатора, утром 14 сентября Александр Сергеевич написал письмо жене и решил остаться в Симбирске ещё на одни сутки, чтобы завершить сбор сведений о пребывании здесь Пугачёва. К тому времени в дорожной записной книжке поэта (после имени мордовского языческого бога, но перед Смышляевкой) появилась запись «Панин. Дом Пустынникова», сделанная, видимо, после разговора с губернатором Загряжским или же с Петром Языковым. Пушкин узнал, что во времена Пугачёвского бунта осенью 1774 года в этом доме располагалась резиденция графа П.И. Панина, главнокомандующего царскими войсками, и именно сюда 1 октября того же года А.В. Суворов привёз в клетке пленённого Пугачёва. Конечно же, поэту захотелось увидеть это историческое место своими глазами, и он посетил дом Пустынникова, располагавшийся неподалёку, в нескольких минутах ходьбы от резиденции губернатора (дом Пустынникова сгорел во время пожара 1864 года, сегодня это территория бывшего Суворовского училища).

В «Истории Пугачёва» Пушкин так описал события в доме Пустынникова в Симбирске: «В Коспорье, против Самары, ночью, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу и пришёл в Симбирск в начале октября. Пугачёва привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце,

Дом Пустынникова в Симбирске,
которым интересовался А.С. Пушкин

окружённый своим штабом. «Кто ты таков?» – спросил он у самозванца. «Емельян Иванов Пугачёв», – отвечал тот. «Как же смел ты, вор, назваться государем?» – продолжал Панин. «Я не ворон (возразил Пугачёв, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я воронёнок, а ворон-то ещё летает»... Панин, заметя, что дерзость Пугачёва поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клоч бороды. Пугачёв стал на колени и просил помилования. Он посажен был под крепкий караул, скованный по рукам и по ногам, с железным обручем около поясницы, на цепи, привинченной к стене. Академик Рычков, отец убитого симбирского коменданта, видел его тут и описал своё свидание. Пугачёв ел уху на деревянном блюде. Увидя Рычкова, он сказал ему: «Добро пожаловать», – и пригласил его с ним отобедать. «Из чего, – пишет академик, – я познал его подлый дух». Рычков спросил его, как мог он отважиться на такие великие злодеяния? – Пугачёв отвечал: «Виноват пред Богом и государыней, но буду стараться заслужить все мои вины». И подтверждал слова свои божбою (по подлости своей, опять замечает Рычков). Говоря о своём сыне, Рычков не мог удержаться от слёз; Пугачёв, глядя на него, сам заплакал».

Мемориальная доска в честь А.С. Пушкина
на стене дома Языковых в Ульяновске

В тот же, видимо, день Александр Сергеевич навестил помещика Н.А. Шувалова, служившего в юности фореитором у Пугачёва. Об этом в своих воспоминаниях сообщает всё та же К.И. Короткова (Таблени): «Пушкин, как говорили тогда, приезжал в Симбирск за разысканием материалов для своей истории Пугачёвского бунта и, конечно, к своему удовольствию, мог их найти немало, потому что и я помню в Симбирске ещё живых свидетелей этого бунта: в самом Симбирске жил 80–83-летний маленький невзрачный старичок Шувалов (имевший тогда восемь дочерей и одного сына), в доме которого и я часто бывала. Я помню хорошо, что он дома всегда был одет в красный халат, подпоясанный шнурком или просто верёвочкой. Мы, бывало, усадемся на скамеечке у его ног и слушаем его рассказы про старое время, про Пугачёва, у которого он был фореитором. Шувалов удостоился такой чести, вместо того чтобы быть убитым с прочими помещиками, за то только, что «показался Пугачёву чрез меру плюгавым». Шувалову тогда было всего шестнадцать лет от роду. К этому-то Пугачёвскому фореитору, как я тогда слышала, сделал свой визит Пушкин, очевидно, желая послушать его рассказы о Пугачёве».

А ещё в этот день губернатор подарил Александру Сергеевичу карту Екатеринославской губернии, изданную в 1821 году, на которой поэт сделал надпись: «Карта, принадлежавшая Императору Александру Павловичу. Получена в Симбирске от А.М. Загряжского 14 сентября 1833».

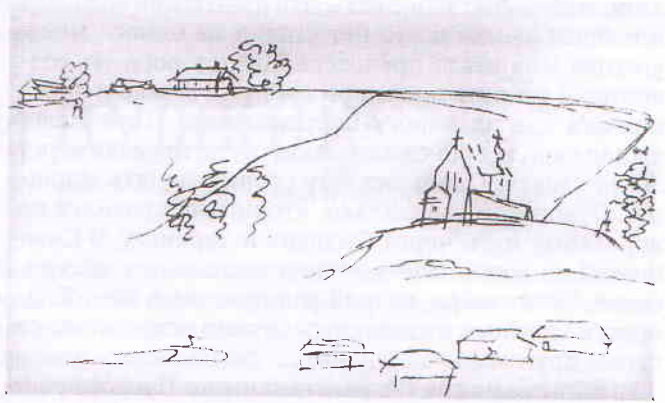
ДОРОГА НА СМЫШЛЯЕВКУ

Симбирск. — Simbirsk. № 11.
Смоленский спуск к р. Волге.

Смоленский спуск к Волге в Симбирске

На следующий день утром коляска Пушкина съехала с Симбирской горы к переправе через Волгу. От неё из Подгорья на Венец вёл старинный Смоленский взвоз (с середины XIX века, после пожара в Симбирске, его стали именовать Смоленским съездом или спуском). Назван он был по расположенной на волжском склоне Смоленской церкви иконы Божией Матери, а холм, на котором стояла церковь, именовался в просторечии Смоленской горой. В ожидании паром Александр Сергеевич, озирая открывшуюся с берега Волги панораму, штрихами набросал в своей дорожной записной книжке карандашный рисунок, где изобразил церковь на волжском склоне и пару домов на Венце. На обороте страницы поэт написал: «Смоленская гора.

Смоленская гора. Церковь Смоленская и дом Карамзина. 15 сентября. Волга.
(Рисунок из записной книжки А.С. Пушкина)

Церковь Смоленская и дом Карамзина. 15 сентября. Волга».

Переправившись на левый берег, Пушкин, вероятнее всего, отправился в путь по самой короткой дороге, чтобы выехать на Оренбургский тракт у села Смышляевка (не зря же он записал это название в своей дорожной книжке). Из Симбирска к этому селу, согласно карте Пядышева, вели четыре дороги. Две из них, глядя на карту, поэт наверняка исключил сразу – губернскую почтовую дорогу через Сызрань и проезжую большую дорогу через Мелекес, так как в пути по ним, чтобы добраться до Смышляевки, пришлось бы делать большой крюк (вынужден разочаровать жителей Димитровграда, уверенных, что Александр Сергеевич проезжал через Мелекес). А попытка поехать по губернской почтовой дороге через Сенгилей и Самару, как известно, не увенчалась успехом. Так что у поэта оставался только один вариант продолжения пути...

И Пушкин наверняка выбрал проезжую большую скотопрогонную торговую дорогу, которая, согласно карте Пядышева, практически прямым и самым коротким путём вела от Симбирска на Оренбургский почтовый тракт через Красный Яр, Калмаюр, Никольское-на-Черемшане, Рязаново, Мусорку, Бинарадку и пригород Алексеевск (рядом со Смышляевкой), который упоминается в архивных заготовках Пушкина к «Истории Пугачёва». В крупных сёлах на этой дороге всегда можно было нанять вольного ямщика, и проблем с лошадьми, как на почтовых станциях, было намного меньше. Так что 16 сентября поэт уже выехал на Оренбургский тракт, приближаясь к конечной цели своего путешествия. В Оренбург он прибыл до обеда 18 сентября. Здесь Пушкин встретился с В.И. Далем, беседовал со старожилами о Пугачёве, осматривал пугачёвские места города. С 21 сентября Александр Сергеевич находился в Уральске, а 23-го вечером выехал в Болдино.

И СНОВА В ЯЗЫКОВО

В одном из писем поэт писал жене, что на обратном пути отправится в Болдино через Саратов и Пензу. Но вмешалась погода. «При выезде моём вечером пошёл дождь, первый по моём выезде, – сообщал Пушкин Наталье Николаевне уже из Бол-

дино. – Надобно тебе знать, что нынешний год была всеобщая засуха и что бог угодил на одного меня, уготовя мне везде прекраснейшую дорогу. На возвратный же путь послал он мне этот дождь и через полчаса сделал дорогу непроходимой. Того мало: выпал снег, и я обновил зимний путь, проехав вёрст 50 на санях». Пришлось ему срочно менять маршрут. Пушкиноведа считают, что поэт отправился по короткому пути через Сызрань и Тереньгу. В Симбирске он только лишь сменил лошадей и в воскресенье, 29 сентября, второй раз приехал в село Языково, надеясь уж на этот-то раз точно встретиться со своим другом.

В письме жене об этой остановке Пушкин рассказал кратко: «Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал, застал всех трёх братьев, отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда». По семейному преданию Языковых, братья встретили Пушкина одетыми по-домашнему, в халатах, и Александр Сергеевич тут же пристыдил и разбранил их за азиатские привычки, а уезжая, пообещал приехать в Симбирск зимой. А ещё одна местная легенда гласит, что Пушкин с Языковым в знак дружбы посадили у пруда ель (к ней теперь в день рождения поэта в усадьбу каждый год съезжаются тысячи людей).

Сами же братья Языковы скептически отнеслись к историческим изысканиям поэта. Александр Михайлович 1 октября 1833 года писал В.Д. Комовскому: «Вчера был у нас Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга и с Яика в свою нижегородскую деревню, где пробудет месяца два, занимаясь священнодействием перед алтарём Камен. Он ездил-де собирать изустные и письменные известия о Пугачёве, историей времени которого будто бы теперь занимается. Из питерских новостей он прочитал нам свою сказку *Гусар* (её купил, дескать, у него Смирдин за 1000 рублей сто стихов). Дело идёт о походе дении малороссийской ведьмы; написана она весьма живо и занимательно. Знаете ли вы, что Гоголь написал комедию *Чиновник*? Из неё Пушкин сказал нам несколько пассажей чрезвычайно острых и объективных. Мы от него первые узнали, что он и Катенин избраны членами Российской Академии...».

А Николай Михайлович в письме М.П. Погодину, написанном после отъезда Александра Сергеевича, сообщал: «У нас был Пушкин с Яика – собирал сказания о Пугачёве. Много-де собрал, по его словам, разумеется. Замечено, что он вторгается в область Истории (для стихов ещё бы туда и сюда) – собирается собирать плоды с поля, на коем он ни зерна не посеял, – писать Историю Петра, Екатерины I и далее вплоть до Павла Первого (между нами)».

*Женский портрет №1.
(Из записной книжки
А.С. Пушкина).*

Утром 30 сентября Александр Сергеевич покинул гостеприимную усадьбу братьев Языковых и 1 октября к вечеру был уже в Болдино. При этом он проехал ещё через несколько селений Симбирской губернии: слобода Карлинская (ныне Урено-Карлинское), Белый Ключ, Промзино Городище (ныне Сурское), Княжуха и Чирково. Всего же поэт за время своего путешествия провёл на территории Симбирской губернии около 8 суток, в т. ч. более 70 часов в коляске, одолев по грунтовым дорогам 650 вёрст. А добравшись до своего имения, Александр Сергеевич писал в письме Наталье Николаевне: «Въехав в границы болдинские, встретил я попов и так же озлился на них, как на симбирского зайца».

Если заглянуть в собрание сочинений Пушкина, бросается в глаза, что за всё время своего путешествия на Волгу и Урал поэт написал только одно стихотворение, которое датировано так: «1833, дорога, сентябрь»:

*Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б – наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал –
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал...*

«Дорога» и «неведомая тишь» указывают на то, что «этот лепет» Александр Сергеевич слушал в своём сентябрьском путешествии где-то в глухой провинции, и он «здесь остался б» надолго, поддавшись минутному увлечению. В каком уголке Поволжья это произошло на самом деле и кому посвятил Пушкин стихотворные строки – видимо, навсегда останется загадкой. Но учитывая, что на дорогах Симбирской губернии поэт в сентябре 1833 года провёл наибольшее количество времени по сравнению с другими регионами, в которых он побывал, у нас всё-таки есть больше оснований думать, что стихотворение родилось в нашем крае.

В той же дорожной записной книжке, кстати, Александр Сергеевич сделал карандашные наброски двух неизвестных женских портретов. Хотя глядя на эти лица, как-то не очень воспринимается, что «этот лепет» и «эти ножки» могли принадлежать именно им. Хотя о вкусах, как известно, не спорят. Пушкин был человеком влюбчивым и в 1830 году даже написал в письме княгине В.Ф. Вяземской:

*Женский портрет №2.
(Из записной книжки
А.С. Пушкина).*

«Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена». Так что вряд ли мы уже когда-нибудь раскроем тайну, кем же была сто четырнадцатая любовь поэта...